

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.61>

Краснова Василина Юрьевна

Восприятие ценностей, заложенных в японской сказке, англоязычной аудиторией

Цель проводимого исследования состоит в определении проблем восприятия культурных смыслов и ценностей, заложенных в японской сказке, при англоязычном изложении. Научная новизна работы связана с анализом ценностей японских народных сказок, которые ранее не становились объектом исследования, также впервые культурные смыслы японской сказки рассматриваются в сопоставлении с ее англоязычным изложением и выделяются препятствия к их восприятию. В результате показано, что проблемы восприятия японских сказок на английском языке разделяются на более очевидные лексико-грамматические и на более глубокие социокультурные. Ввиду языковых и культурных расхождений между японским оригинальным текстом и английским изложением часть культурных ценностей не воспринимается англоязычной аудиторией.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/61.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 290-294. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Specificity of Translating Higher Education Terminology (by the Material of the English, Chinese and Russian Languages)

Kovaleva Olga Nikolaevna, PhD
Bai Anastasiya Evgenievna
Chelyabinsk State University
babushkina_on@mail.ru; nastya.bai@bk.ru

The paper aims to reveal specificity of translating the English, Chinese and Russian higher education terms taking into account the cognitive aspect. Scientific originality of the study lies in the fact that the authors examine the cognitive aspect of translation of higher education terms designating scientific positions, scientific degrees and academic ranks in three unrelated languages (English, Chinese and Russian) for the first time. The research findings are as follows: the authors reveal conceptual content of the English, Chinese and Russian higher education terms, identify peculiarities of their translation taking into account essential characteristics of a nominated object, compile a trilingual glossary of higher education terminology.

Key words and phrases: translation; concept; higher education terms.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.61>

Дата поступления рукописи: 09.07.2020

Цель проводимого исследования состоит в определении проблем восприятия культурных смыслов и ценностей, заложенных в японской сказке, при англоязычном изложении. Научная новизна работы связана с анализом ценностей японских народных сказок, которые ранее не становились объектом исследования, также впервые культурные смыслы японской сказки рассматриваются в сопоставлении с ее англоязычным изложением и выделяются препятствия к их восприятию. В результате показано, что проблемы восприятия японских сказок на английском языке разделяются на более очевидные лексико-грамматические и на более глубокие социокультурные. Ввиду языковых и культурных расхождений между японским оригинальным текстом и английским изложением часть культурных ценностей не воспринимается англоязычной аудиторией.

Ключевые слова и фразы: фольклор; японские сказки; англоязычное изложение; культурные смыслы.

Краснова Василина Юрьевна

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
krasnova_yyu@dvfu.ru

Восприятие ценностей, заложенных в японской сказке, англоязычной аудиторией

Исследование посвящено сопоставительному анализу культурных смыслов текстов оригинальных японских сказок и восприятия ценностей японской культуры в переводном англоязычном тексте японских сказок. Мы исходим из положения о том, что японские народные сказки (как, вероятно, любые народные сказки) отражают религиозные верования, историю, социальные нормы, обычаи и/или гендерные роли в исходной культуре. Из-за этих фактов может существовать вероятность того, что неазиатский читатель не сможет воспринять или принять выводы и взгляды, показанные в народной сказке.

Актуальность настоящего исследования обусловлена определяющей ролью, которую в культуре играют ценности нации. Ценностями культуры определяется набор вопросов, которыми люди обеспокоены, общих проблем, с которыми они сталкиваются, и методов преодоления, которые предписаны для борьбы с ними. В последние годы все более увеличивается количество контактов западной и восточной культур и увеличивается роль восточных ценностей в глобализованном мире. Для продуктивного диалога культур, однако, необходимо понимание картины мира, менталитета и морали другой страны. В связи с обращением к этим составляющим на современном этапе развития науки, наравне с языковой формой, представляет интерес изучение культурного содержания. Любое произведение, являющееся результатом народного творчества, без сомнения, обладает огромной степенью знаний о культуре и психологии конкретного общества, самого базового фундамента культурной картины мира. Отсюда следует важность исследования рецепции элементов восточного фольклора в странах Запада. По определению В. А. Масловой, культурные ценности «представляют собой систему, в которой можно выделить универсальные и индивидуальные, доминантные и дополнительные смыслы» [5, с. 93]. Например, во всех культурах осуждаются такие человеческие пороки, как жадность, трусость, неуважение к старшим и др., но в каждой культуре эти пороки обладают разными признаками, оценкой и весом. Для каждой культуры можно вычленили характеристики, которые будут своеобразными ее координатами, имеющими значение для понимания мировосприятия народов. Такими характеристиками будут базовые ценности культуры.

Поставленная цель предполагает решение следующих *задач*:

- определить ценности, лежащие в основе японского менталитета;
- определить препятствия восприятию культурных смыслов японских народных сказок при чтении сказки на английском языке неазиатским читателем;
- определить утраты в восприятии японских сказок на английском языке неазиатским читателем.

Материалом исследования послужили разнотематические японские сказки, отобранные из разных оригинальных неадаптированных источников, и сборники японских сказок на английском языке, составленные в начале и середине XX в., среди них – переводы японских сказок на английский язык или изложение японских сказок на английском языке. Среди авторов сборников японских сказок на английском языке – англичане и американцы (Б. Х. Чамберлен [7], В. Е. Гриффис [8], А. Б. Митфорд [14], Л. Хирн [10]), а также этнические японцы, живущие за рубежом (Е. Т. Одзаки [15]). По своей профессиональной деятельности авторы сборников являются японоведами, фольклористами или переводчиками детской литературы.

Методы исследования определены рамками сопоставительного и лингвокультурологического подходов. В исследовании применялись метод контекстуального анализа, метод системно-структурного анализа и метод сопоставительного анализа.

Теоретическая база представлена работами В. М. Алпатовой, Р. Бенедикт, В. А. Масловой, К. Арига, Ф. Кобаяси, К. Сэки, Дж. Майлак и др.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты сопоставительного анализа оригинальных японских и переводных англоязычных сказок способствуют пониманию основных различий в принципах двух культур, способствуют взаимопониманию и расширяют возможности для успешной межкультурной коммуникации.

Р. Бенедикт предполагает, что менталитет японцев возник из иерархии [2]. Это очень интересная интерпретация. С этой точки зрения она создала таблицу «Обязательства Японии и их взаимное выполнение». У японцев есть много слов со значением «обязанности». Специфику этих слов невозможно передать на русском или английском языке ввиду отсутствия аналогичных культурных норм и ценностей. Для обозначения понятия «обязанности», включающего все долги человека, в общем японцы используют слово «он». В употреблении в японском тексте слово «он» воспринимается как бремя, которое человек вынужден нести, обязанность, причиняющая определенные душевные страдания. Р. Бенедикт также отметила, что в категории «он» японцы выделяют долг без временных и количественных границ, иными словами, такой долг можно считать неоплатным; и более конкретизированные долги, которые могут и должны быть возвращены в рамках определенных условий. Долги с безграничной оплатой называются «гиму». Они, в свою очередь, делятся на два различных типа обязательств: долг перед родителями, называемый «ко», и долг императору, называемый «тю». Другой тип долга, который имеет временные границы и практически вычисляемую точность, называется «гири» [Там же, с. 116]. Проблема возврата долга, или «он-гаэси» по-японски, поднимается в большинстве японских народных сказок. В частности, это центральный сюжет сказок о столкновении сверхъестественной женщины или женщины-оборотня и человеческого мужчины, которых в общем числе японских сказок насчитывается более 9% [16, р. 4]. Мужчина спасает женщину, и у сверхъестественного существа образуется долг «он» перед человеком. Часто у таких сказок трагичный финал, что только подчеркивает значительность концепции «он» в японской культуре.

Проблема анализа ценности иерархии в японской культуре довольно сложна, но поскольку социальная организация людей – это то, что они создали на основе своих условий жизни, естественно, что она влияет на их взгляды на жизнь или мировоззрение. И чем меньше у этих людей возможностей наблюдать за внешним миром, тем больше их ограничения. По этой причине Р. Бенедикт была права, определяя основу менталитета японцев в японской иерархии. Менталитет должен быть понят психологически, но также важно понять его социологически.

Что касается восприятия особенностей японского менталитета иерархии в переводном тексте японских сказок, то полному пониманию целевым читателем мешают, прежде всего, лексико-грамматические препятствия. Есть разные традиции преодоления таких препятствий, имеющие разные особенности и последствия.

Согласно Дж. П. Майлак, существуют две противоположные традиции перевода: культурная транспозиция (также известная как транслитерация) и экзотизм. Дж. П. Майлак утверждает, что культурная транспозиция – это «попытка превратить исходную культуру в целевую культуру», а экзотизм «погружает целевого читателя в исходную культуру» [13, р. 134]. Более того, экзотизм можно далее разделить на две категории: «экзотизм с минимальным присутствием переводчика» и «экзотизм с максимальным присутствием переводчика» [Ibidem, р. 135]. Минимальное присутствие переводчика подразумевает, что читатели целевой культуры не получают дополнительного объяснения смысла, как это происходит с максимальным присутствием переводчика в тексте [Ibidem]. Пример экзотизма с максимальным присутствием переводчика можно найти в «Сказке резчика бамбука», когда переводчик объясняет значение имени *Kaguya Hime*, поскольку название かぐや姫 *Kaguya Hime* буквально означает «сияющая принцесса» [15, р. 98]. Переводчик должен был дополнить текст, чтобы передать значение ее имени англоязычным читателям. Пример экзотизации с максимальным присутствием переводчика можно найти в сказке «Момотаро», когда переводчик объясняет значение имени главного героя. “Because he was their first child (taro) and born of a peach (momo) they called him Momotarō or Peach-Darling” [8, р. 63]. При экзотическом и буквальном изложении фольклорного текста влияние и присутствие переводчика сведены к минимуму, поэтому интерпретация, стереотипическое мышление и/или предубеждение переводчика по отношению к исходному тексту/культуре также сведены к минимуму.

Хотя транслитерация облегчает для целевого читателя интерпретацию иностранного текста, она в то же время создает проблему. Проблема заключается в том, что целевая аудитория может не воспринимать сообщение так же, как аудитория исходного языка, из-за изменений, сделанных переводчиком. Например, при рассмотрении одной из сказок, использованных в этом исследовании, «Урасима Таро», была найдена одна версия с явным объяснением морального урока в конце истории. В ней говорится: «Маленькие дети, всегда слушайте

тех, кто мудрее, потому что непослушание стало началом всех бед и несчастий жизни» (здесь и далее перевод автора статьи. – В. К.) [15, р. 101]. Даже несмотря на то, что транслитерация создает естественный поток восприятия при чтении, присутствие переводчика в этом методе более очевидно. Исходный текст может быть трансформирован в зависимости от стереотипов и/или предубеждений переводчика и может включать в себя его/ее интерпретацию исходного текста. Так, например, несмотря на то, что Т. Одзакки выделила одну из моралей, отраженных в сказке, другие выводы из японского оригинала (такие как необходимость ставить социальные обязанности выше семейных, не мечтать о покровительстве вышестоящего), таким образом, остались вне внимания читателя. Хотя понимание и оценка исходной культуры через перевод экзотическим методом представлены читателю, возникает проблема, заключающаяся в том, что читатель может не понимать определенные языковые выражения или культурные особенности, что приводит к потере истинного смысла.

Первым лексико-грамматическим препятствием к полному пониманию культурных особенностей японской сказки является использование местоимений. В японском языке местоимения могут быть опущены, поэтому большая часть японской литературы содержит предложения без местоимений. Местоимения обычно не используются в аутентичных японских предложениях, кроме как для обозначения конкретных объектов или указаний. Таким образом, ясно, что некоторые авторы намеренно не включают субъект в предложение, чтобы позволить читателям интерпретировать отрывок самостоятельно. Однако когда литература переводится на английский язык, то местоимения добавляются для соответствия английской грамматике. Здесь возникает проблема, поскольку многие местоимения на японском языке, если они используются, выбираются по возрасту, полу и/или классу, а также по отношению говорящего и слушателя. Эти различия теряются в английском переводе из-за отсутствия вариаций. Например, в сказке «Сумо-нэдзуми» (мышь-сумоисты) дедушка использует местоимение *омаэ*, относящееся к сниженной лексике и показывающее, во-первых, низкое социальное происхождение говорящего и, во-вторых, неформальные отношения с собеседником [10]. К тому же выбор местоимения косвенно указывает на пол говорящего, так как местоимение *омаэ* не употребляется в женской речи.

Ввиду отсутствия таких же различий между местоимениями в английском языке во всех вариантах изложения сказки используется нейтральное местоимение *you*. При этом переводчик (часто являющийся этническим японцем и, очевидно, по этой причине ощущающий необходимость различения смыслов) может оставить оригинальную японскую форму и объяснение значения слова *омаэ*. Однако при использовании этого метода возникает проблема, связанная с присутствием переводчиков в тексте.

Кроме того, японские писатели используют различные степени именных суффиксов, чтобы достигнуть понимания читателями отношений персонажей; однако, опять же, этот эффект теряется в английском переводе. В двух сказках («Сказка о резчике бамбука» [15, р. 96] и «Благодарность статуи» [10]), использованных в этом исследовании, персонажи ссылаются на дедушку и бабушку, используя почетный именной суффикс *-сама* в японской версии, чтобы показать оказываемое им большое уважение; однако это уважение не отражено в английской версии. Более того, в «Урасима Таро» именной суффикс *-сама* используется для того, чтобы отличать отношения подводной принцессы от других. В то время как подводная принцесса упоминается как *Отохимэ-сама* на японском языке, при переводе на английский язык ее имя становится формой «Принцесса Ото», в которой различие потеряно.

По сравнению с английским языком японский язык имеет немало лексико-грамматических особенностей, из которых особенно значимо наличие грамматических форм вежливости, а также крайняя строгость и формальность правил их употребления. Российский японовед В. М. Алпатов отмечает, что «сравнительно с другими элементами системы языка формы вежливости наиболее явно связаны с общественной ситуацией, и изменения последней прямым образом проявляются в изменении языка» [1].

Грамматическая система форм вежливости существует, прежде всего, у глагола. В частности, в сказках противопоставлены формы без особого показателя, вежливые формы с суффиксом *-мас*- и сверхвежливые формы, служащие для характеристики говорящего.

Например, в сказке «Летающий крестьянин» есть следующий диалог:

– *Хито га таринай но ни ёкэина кото о ситэ курэма. Though we are short of help you gave us extra work.*
 – *Сумимасэн. Иссёкэнмэи хатаракимас кара юруситэ кудасаи. Sorry. I will work as hard as I can, so please forgive me* [10]. /

– *У нас мало людей, а ты задал нам дополнительной работы.*

– *Простите меня, я буду работать изо всех сил, простите.*

Первый говорящий использует сокращенные формы *-най*, *-та*, а второй – вежливые формы *-масэн*, *-мас* и вежливую форму побуждения *-кудасаи*. Для носителя японского языка и культуры по использованным грамматическим формам немедленно станет понятна иерархия в этом диалоге: первый говорящий – феодал, второй – крестьянин. Для англоязычного читателя понять это только лишь по языковым средствам не представляется возможным ввиду отсутствия аналогичных в английском языке.

Интересен перевод некоторых фраз в сказках, а точнее тенденция в изложении в некоторых случаях оставлять в транскрипции фразы приветствия, прощания или уважения, часто сопровождая их английской калькой. Например, *okagesama de, in your honorable shadow* [15, р. 21]; “Ohio, Momotarō, doko?” (Good morning, Mr. Peach-Prince, where are you going?); “Sayonara, and good luck to you, Momotaro!” [10, р. 157].

Таким образом, выделяются три основных лексико-грамматических препятствия к восприятию ценности иерархии в японской сказке на английском языке: использование специфических для японского языка местоимений, использование именных суффиксов японского языка, которым нет аналогов в английском языке,

и использование грамматических конструкций японского языка, которые позволяют понять иерархию между участниками действия только лишь по языковым особенностям. Перечисленные препятствия приводят к потере смыслов иерархических отношений между персонажами и социальных характеристик участников сюжета.

В дополнение к языковым трудностям перевода существуют проблемы с переводом ценностей и обычаев из исходной культуры в целевую, поскольку перевод включает в себя не только два языка, но и перевод из одной культуры в другую. Многие языковые проблемы обнаруживаются в культурном разрыве между оригинальной культурой и целевой культурой. Л. М. Хейвуд, М. Томпсон и С. Херви утверждают, что «проблемы порождаются рядом менее конкретных явлений... социальных обычаев и институтов; культурные традиции и обычаи; имена людей, мест и организаций...» [9, р. 69]. Л. М. Хейвуд, М. Томпсон и С. Херви также отмечают, что перевод – это не просто средство передачи сообщения, а «посредничество между культурами». Они продолжают: «...тексты и высказывания создаются в определенных местах в определенное время, формируются в соответствии с конкретными традициями, прецедентами и идеологическими ограничениями и нацелены на конкретных получателей» [Ibidem, р. 68].

Следует признать когнитивную асимметрию японской и англо-саксонской культур, в результате чего в англоязычных версиях японской сказки выявляется недостаточная акцентуация важной культурной доминанты Японии – соблюдения социальной и возрастной иерархии, а также связанной с этим значимости образа императорской власти [4]. В частности, в японских сказках, несомненно, находят свое отражение ценности иерархии в сфере и общественной, и семейной жизни. Если реорганизовать таблицу Р. Бенедикт «Японские обязательства и их выполнение», можно выделить явления, которые происходят в вертикальных или иерархических человеческих отношениях, и те, которые происходят в равных человеческих отношениях. Р. Бенедикт также считает, что в равных отношениях есть явление «он», но, согласно замечаниям К. Арига в статье «Вопрос иерархии в японской социальной структуре», без формирования какого-то вертикально-иерархического отношения образования долга «он» не происходит [6]. «Он» представляется как получаемый от вышестоящего и неоплатный. Приоритет имеют именно долги перед вышестоящим в социальной иерархии. Примером проявления данной особенности японской социальной иерархии в народных сказках может служить момент завязки действия в сказке «Иссун-Боси», когда главный герой объявляет, что его главное желание – служить даймё. В языке это проявляется через переход от нейтральных глагольных форм к кэйго в присутствии вышестоящего – уничижительные формы -оримас, -мосимас по отношению к себе и сверхвежливая -итасимас по отношению к собеседнику [11]. В случаях выполнения обязанностей «тю» перед императором и «ко» перед родителями первому отдавался приоритет. Примером проявления этого аспекта японской иерархии в народных сказках будут являться концовки сказок «Кинтаро» и «Урасима Таро». В первом случае Кинтаро покидает свою мать, чтобы служить даймё, и мы видим счастливый финал [15, р. 69]. Во втором случае Урасима Таро решает покинуть дворец императора, чтобы вернуться в свою деревню, в свою семью, и мы видим трагичный финал сказки, когда Урасима мгновенно состаривается соразмерно годам, проведенным под покровительством императорской семьи [7, р. 30]. Импликация счастливого финала в первом случае и трагичного во втором неочевидна, но состоит в том, что таким образом показывается, что нарушение иерархии и невыполнение своего долга перед вышестоящим воспринимаются культурой и обществом как неправильные.

В сюжетах японских сказок прослеживается одинаковый сюжет, предостерегающий от отступления от традиционных устоев, связанных с приоритетом мужчины над женщиной в принятии решений. Ф. Кобаяси анализирует развитие сюжета японских сказок о животных-женах, которые она описывает как «женская фигура напрасно бросает вызов мужской фигуре, и мужчина в итоге отвергает ее вызов» [12, р. 245]. Этот анализ отражает мнение общества о том, что мужчина имеет абсолютное право принимать решения (даже если мужчина виноват, нарушая обещания своей жене и раскрывая ее секрет). Кроме того, Ф. Кобаяси объясняет, как японские гендерные роли отражаются в японских народных сказках, используя первый эпизод сказок о сверхъестественном браке. Этот тип истории учит, что нетрадиционное поведение (то есть когда женщина делает первый шаг к браку) приводит к страданию, но любое начинание заканчивается успехом, когда мужчина инициирует его [Ibidem, р. 247]. Ф. Кобаяси описывает, что подобные истории основаны на принципе, что «мужское поведение всегда имеет приоритет над женским» [Ibidem, р. 248]. Автор также утверждает, что «в рассказах о женщинах-животных женская фигура имеет тенденцию функционировать как человек, игнорирующий андроцентрические социальные коды» [Ibidem]. Опять же, общественная норма мужского превосходства подразумевается в японских народных сказках, но, вероятно, не будет в полной мере воспринята англоязычным читателем. Неравноправие полов проявляется, пусть и бессознательно, даже при использовании языковых средств в сказке. Именно мужской вариант японского языка и картины мира отражается в сказке. Это проявляется не только в сохранении стандартных ролей (в проанализированных примерах отец/дед ходит работать, собирать бамбук, искать пропитание, мать/бабушка остается дома, сын уходит в путь, дочь выходит замуж и т.д.), но и в самом подборе слов и грамматических форм. Так, из местоимений 1-го лица преобладает мужское «боку», из местоимений 2-го лица – мужское «кими». Но очевидно, что для целевого англоговорящего читателя подобные нюансы выбора языковых средств ничего не скажут о культурных ценностях Японии и нормах, транслируемых в тексте сказки.

Таким образом, такие нюансы японских ценностей, как долг перед императором превыше долга перед семьей и неодобрение женской инициативности, будут утеряны для англоязычной аудитории. В англоязычных сказках не распространено проявление социального характера в сюжете [3]. Представителям англоязычной

культуры с их отличными от японских стандартными представлениями о межличностных отношениях может показаться, что отсутствуют крепкие эмоциональные связи в японских семьях.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**. На основе исследования сюжета и языка японских сказок и анализа антропологических изысканий японских и американских авторов можно выделить следующие ценности, отраженные в сказках: приоритет мужского пола над женским в принятии решений, превосходство долга вышестоящему перед долгом равному, иерархия по старшинству. В японских сказках с помощью лексико-грамматических средств и особенностей сюжета отражается порядок отношений в семье и в обществе. Для полного восприятия элементов японской культуры в переводном варианте японской сказки существуют препятствия двух планов: языковой и культурной асимметрии. Данное исследование показало, что ввиду отсутствия в английском языке специальных языковых средств, таких как система местоимений в зависимости от происхождения, пола и социальной позиции говорящего, вежливые и сверхвежливые формы глагола, гоноративные префиксы и суффиксы для выражения иерархии между участниками действия, теряются нюансы, характеризующие сказку через речь персонажей. То есть теряется восприятие из использования этих языковых средств происхождения, статуса персонажа, его отношения к другим участникам действия и позиции относительно их. Культурные препятствия существуют в виде отсутствия в англоязычной культуре понятия и различения разных видов иерархических обязательств, превосходства долга перед вышестоящим лицом над долгом перед семьей. При этом в англоязычном варианте утрачиваются четкие границы иерархической организации, теряется понимание статуса, позиции одних действующих лиц к другим, меняется восприятие роли мужчины и женщины в сказке.

Перспективы исследования, таким образом, заключаются в дальнейшем сопоставительном анализе проявлений других ценностей и особенностей менталитета японцев в народной сказке и ее англоязычном изложении, а также анализе факторов, влияющих на восприятие японских культурных и фольклорных реалий и концептов в английском языке, таких как, например, происхождение автора англоязычной версии, степень осведомленности читателя о японской культуре и языке, структура повествования в оригинале и переводе, языковые средства, выбранные автором английской версии сказки, и др. Конечной целью такого анализа является определение способов устранения утрат в восприятии японских сказок на английском языке.

Список источников

1. Алпатов В. М. Япония: язык и общество [Электронный ресурс]. URL: <http://shounen.ru/nihon/lang-soc.shtml> (дата обращения: 09.07.2020).
2. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 256 с.
3. Егорова О. А. Компаративный анализ художественной специфики сказок о животных (на материале британских и русских сказок) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 7. С. 85-89.
4. Краснова В. Ю., Николаева О. В. Фольклоремы японских сказок в англоязычных переводах: культурно-когнитивная асимметрия // *Litera*. 2020. № 2. С. 73-85.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Академия, 2010. 204 с.
6. Ariga K. The Issue of Hierarchy in Japanese Social Structure // *Japanese Review of Cultural Anthropology*. 2015. № 16. P. 21-42.
7. Chamberlain B. H. The fisher-boy Urashima. L.: Griffith, Farran & Co., 1892. 32 p.
8. Griffis W. E. The Japanese Fairy Book. N. Y.: J. H. Barhyte, 1880. 304 p.
9. Haywood L. M., Thompson M., Hervey S. Thinking Spanish translation: A course in translation method: Spanish to English. N. Y.: Routledge, 2009. 315 p.
10. Hearn L., Chamberlain B. H., James G. Japanese fairy tales. N. Y.: Boni and Liveright, 1918. 160 p.
11. <http://life.ou.edu/stories/> (дата обращения: 09.07.2020).
12. Kobayashi F. Is the animal woman a meek or an ambitious figure in Japanese folktales? // *Fabula*. 2010. № 51. P. 235-250.
13. Mailhac J. P. The Formulation of Translation Strategies for Cultural References // *Language, Culture and Communication in Contemporary Europe* / ed. by C. Hoffman. Clevedon: Multilingual Matters, 1996. P. 132-151.
14. Mitford A. B. The Japanese Fairy Book. L.: Macmillan and Co., 1910. 302 p.
15. Ozaki Y. T. The Japanese Fairy Book. N. Y.: E. P. Dutton, 1903. 296 p.
16. Seki K. Types of Japanese folktales. Tokyo: Society for Asian Folklore, 1966. 220 p.

Perception of the Japanese Folk Tales among the English-Speaking Audience

Krasnova Vasilina Yur'evna
Far Eastern Federal University, Vladivostok
krasnova_vyu@dvfu.ru

The paper identifies the problems the English-speaking readers come across when perceiving cultural meanings and values imparted in the Japanese folk tale. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that the researcher analyses the value component of the Japanese folk tales, which has not been previously investigated, and also by the fact that cultural meanings of the Japanese tale are for the first time considered in the comparative aspect. The author shows how these values are represented in the English translation and reveals the factors that complicate their perception among the English-speaking audience. The conducted research allows concluding that problems in perceiving the translated Japanese tales can be divided into two categories: more evident lexico-grammatical and deeper ones, sociocultural. Due to linguistic and cultural reasons, some cultural meanings of the original text are not perceived by the English-speaking audience.

Key words and phrases: folklore; Japanese tales; English translation; cultural meanings.